

- Minns E.H.* 1913: Scythians and Greeks. Cambr.
Leskov A.M. 2008: The Maykop Treasure. Philadelphia.
L'or... 2001: L'or des Amazons. P.
L'oro... 1987: L'oro di Kiev. Milano.
Skytyen... 1990: Skytyen Kulta-Aarre. Turku.

A GOLDEN PLATE FROM THE MUSEUM OF HISTORICAL TREASURES OF UKRAINE AND THE FIGURE OF LYING BOAR IN SCYTHIAN ANIMAL STYLE

A. R. Kantorovich, A. A. Gribkova

The authors publish a golden plate from the Museum of Historical Treasures of Ukraine with a figure of lying boar. The object is identified as a decoration for a wooden ritual Scythian vessel. Iconographic analysis of the figure allows the authors to date the object to the 5th century BC, probably to its second quarter. The figure is compared with other images of boar in Scythian art. An attempt is made to outline the process of appearance of the lying boar motif in East European Scythian animal style. Together with the closest parallels, the authors classify this figure with the so-called «Alexandrovsk and Arkhangelsk» stylistic type of lying boar, dated to the late 6th – early 4th century BC. They also try to represent the process as resulting from convergence between the Near-Eastern motif of lying boar and the Saka-Siberian pattern of «stopping boar».

© 2011 г.

Г. А. Кошеленко, В. А. Гаилов

МАНСУР-ДЕПЕ В ПАРФИЕНЕ: ХАРАКТЕР И НАЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА

В статье обсуждается функциональное назначение раннепарфянского здания Мансур-депе (Северная Парфия). Опираясь на сравнительные материалы из Ирана и Месопотамии, авторы приходят к выводу, что Мансур-депе служило жилищем представителю высших слоев парфянского общества. Отмечается близость данного типа жилища с жилищами античной Бактрии.

Ключевые слова: Аршакиды, Парфия, Парфияна, Бактрия, Селевкиды, жилище, храм огня, алтарь огня.

Борис Анатольевич Литвинский был ученым с очень широким кругом интересов, но в последние годы основное внимание он уделял изданию материалов раскопок Тахти-Сангина, замечательного памятника, расположенного на юге Таджикистана. Естественно, что с анализа архитектурных особенностей и, соответственно, функционального назначения раскопанного его экспедицией сооружения была начата исследовательская программа, вылившаяся в конечном

Кошеленко Геннадий Андреевич – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института археологии РАН.

Гаилов Вассиф Абидович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН.

счете в прекрасный трехтомник – важнейшую публикацию по проблемам среднеазиатской археологии за последние десятилетия.

В данном номере «Вестника древней истории», посвященном памяти замечательного ученого и человека, авторы решили опубликовать статью, в какой-то степени созвучную последним работам Б.А. Литвинского, – статью об архитектурных особенностях и функциональном назначении одного из памятников античной эпохи в Парфии.

Парфия, являвшаяся коренной областью обитания парфян и «ядром» Парфянского государства, занимала в древности территории долины Копетдага и две полосы плодородных земель к северу и к югу от горной цепи. Северная половина ее (современный Южный Туркменистан) в определенной степени изучена в археологическом отношении¹.

Среди достаточно многочисленных памятников парфянского времени (более 140), обнаруженных здесь, отчетливо выделяется несколько категорий: поселения городского типа, поселения сельского типа, крепости и памятники особого назначения². К числу первых могут быть отнесены Новая Ниса, Куня Каахка и некоторые другие. Зафиксировано несколько вариантов поселений сельского типа и некоторые из них даже подвергались раскопкам в значительных масштабах³. Хотя государственные крепости не были объектом столь масштабного изучения, тем не менее, их характерные особенности выявлены достаточно отчетливо⁴. Памятник особого назначения – это, конечно, Старая Ниса (Митридатокерт)⁵, служивший, вероятнее всего, центром династийного культа Аршакидов⁶.

Среди этого многообразия типов памятников особое место занимает Мансур-депе, который вряд ли может быть включен в какой-либо из указанных выше типов. Этот памятник расположен не очень далеко от Старой Нисы (около 7 км). Насколько нам известно, он впервые был зафиксирован в конце 40-х годов прошлого столетия⁷, неоднократно подвергался раскопкам, но всякий раз исследования его прерывались⁸.

В момент открытия и первого этапа раскопок Мансур-депе представлял собой систему из нескольких памятников. Помимо собственно холмов, называвшихся местным населением Мансур-депе, в окрестностях были зафиксированы также остатки крепостных (?) стен, охватывающих значительную территорию, и несколько изолированных построек, находившихся главным образом к востоку от самого памятника. Во время строительства автотрассы, автостоянки и в ходе других хозяйственных работ все памятники, кроме собственно Мансур-депе, были полностью уничтожены.

К сожалению, за прошедшие годы сильно пострадал и этот памятник. К моменту начала раскопок ситуация здесь выглядела следующим образом: в западной части находился большой бугор – остатки основного здания памятника. Еще один бугор, меньших размеров, находился в северо-западном углу всего комплекса. До-

¹ См. Пилипко, Кошеленко 1985, 209–225.

² Пилипко, Кошеленко 1985, 212–213.

³ См., например, Пилипко 1975; 1990.

⁴ Пилипко, Кошеленко 1985, 213.

⁵ Пилипко 2001; *Nisa parthica*... 2008.

⁶ Пилипко 2000, 99–112.

⁷ Росляков 1955, 86–87, рис. 5. Правда, тогда памятник датировали VI–VIII вв. н.э.

⁸ Об этих раскопках см. Губаев, Кошеленко 1970, 91, рис. 30; Koshelenko, Lapshin, Novikov 1989, 45–52; Koşelenko, Lapšin, Novikov 2000, 87–123; Кошеленко, Гаибов 2003, 76–78.

статочные четкие остатки стен шли от углов зданий, руины которых скрывались под этими буграми, прямо на восток. Здесь, в северо-восточном и юго-восточном углах, располагались два бугра, фиксирующие восточную границу его. По всей видимости, эти углы были заняты небольшими зданиями. Их соединяли хорошо видимые остатки стены. Примерно в середине ее находился небольшой бугорок, видимо, скрывавший остатки входа внутрь комплекса.

Таким образом, перед началом раскопок можно было предполагать, что в восточной части всего комплекса находился большой двор, вход в который имел какое-то архитектурное оформление. В двух восточных углах располагались два небольших здания. Основная часть сооружений была сосредоточена в западной части памятника. Разрушение ряда сооружений основного комплекса Мансур-депе началось еще во время первых раскопок. Археологи, осуществлявшие эти раскопки, полагали, что два бугра, находившиеся в северо-восточном и юго-восточном углах, представляют собой курганы. Поэтому северо-восточный бугор был разрезан бульдозером «крест-накрест», и в результате этого выяснилось, что под бугром находятся остатки небольшого здания, выполненного из сырцового кирпича. К сожалению, никакой фиксации строительных остатков тогда осуществлено не было. Расчистка сильно поврежденных руин была осуществлена позднее, только в 1969 г. Сохранность разрушенных остатков, однако, оставляла желать лучшего и поэтому в восстановленном плане не может быть абсолютной уверенности. Позднее при попытке создать лимонарий на территории памятника эти руины были полностью снесены, бульдозером были уничтожены также все остатки стен, окружавших участок, и небольшое всхолмление, отмечавшее вход.

Таким образом, план, публикуемый в данной работе (рис. 1), в его восточной части отчасти является гипотетическим, хотя и основанным на очень большой степени вероятности. Все же, что касается западной части, вполне достоверно, так как основано на результатах раскопок. Единственный элемент плана, который является восстановлением, — это две колонны на фасаде центрального открытого на восток помещения — с некоторой долей условности его можно назвать айваном.

Основанием для этого служат три соображения. Во-первых, очень значительная ширина айвана — около 8 м. В условиях Парфиены, лишенной лесов с крупными деревьями, было бы очень трудно перекрыть такой пролет так, чтобы обеспечить прочность крыши. Второе соображение — наличие «порога», выложенного из мел-

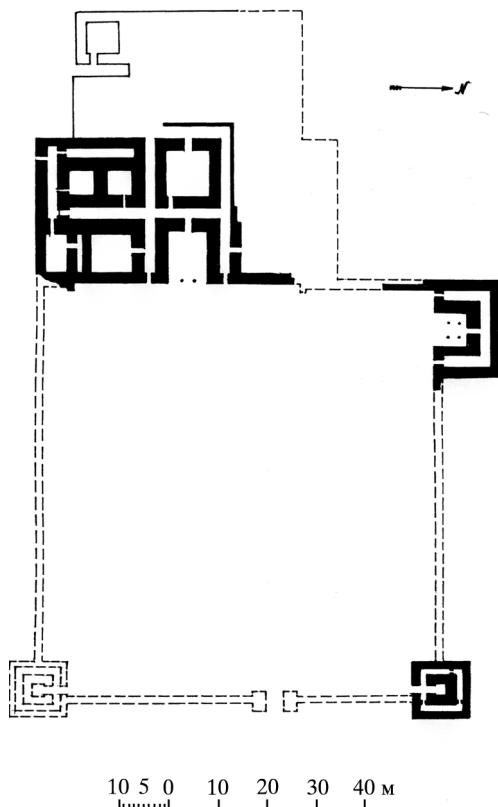

Рис. 1. Мансур-депе. План

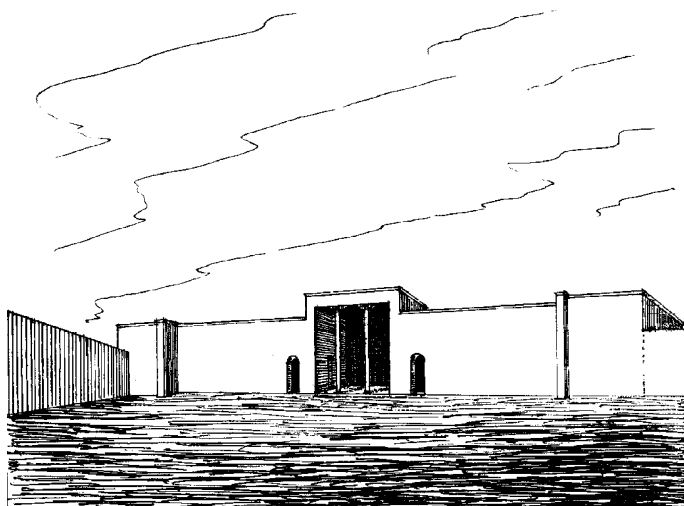

Рис. 2. Мансур-депе. Фасад главного здания. Реконструкция

ких камней на ганчевом растворе⁹, явно предназначенного для того, чтобы служить основой для каких-то конструктивных элементов, а также особая конструкция торцовых участков стен айвана. В то время как все остальные участки стен были выполнены из сырцового кирпича, эти окончания были сложены из обожженных кирпичей и камней на ганчевом растворе. Совершенно ясно, что они предназначались для того, чтобы на них опирались балки, на которых держалось все перекрытие айвана. Наконец, перед зданием было найдено большое количество терракотовых колец диаметром несколько больше 30 см и толщиной до 7–8 см со следами ганча. Видимо, из таких колец выкладывался ствол колонны. В центральное отверстие, вероятно, вставлялся ствол дерева, обеспечивавший прочность колонны.

Результаты раскопок, несмотря на то что они еще не полностью закончены, дали определенное представление о планировке и устройстве всего комплекса и конкретно этого здания, являвшегося главной его частью.

Обращает на себя внимание огромный прямоугольный двор. Вход в него устроен почти в середине его восточной стороны. Углы отмечены двумя зданиями, видимо, идентичными в своей своеобразной планировке.

Основное здание занимает западную часть комплекса (рис. 1, 2). Отличительной особенностью его является то, что центральная часть выделена тремя проемами, в то время как все остальное пространство – глухое. Подобная организация фасада весьма типична для Востока: огромный центральный проем и два более узких и более низких по обе стороны от него. За айваном располагается еще одно большое помещение, которое можно считать основным парадным залом всего комплекса. Таким образом, эти два помещения представляют собой центральный элемент здания, его парадную часть, окруженную вспомогательными помещениями. Крыши их были плоскими, доказательством чего является большое количество железных гвоздей, часто изогнутых, найденных на полах и в слое разрушения над полом. Судя по величине изгиба гвоздей, доски, из которых изготовлялось перекрытие, были достаточно тонкими. Видимо, поверх досок наносились слои глины.

⁹ Košelenko, Lapšin, Novikov 2000, 91, fig. 5.

Стены обоих главных помещений были покрыты ганчем, а поверх покрашены красной краской¹⁰. При этом в переднем помещении (айване) покраска фиксировалась на всю сохранившуюся высоту стены – это позволяет думать, что стены были окрашены в красный цвет полностью. Правда, в слое разрушения были найдены очень небольшие фрагменты с желтой краской. Форма их такова, что можно предполагать, что они изображали звезды. Если это предположение верно, то можно вспомнить описание потолка дворца парфянского царя в Вавилоне, как оно дано в «Жизнеописании Аполлония Тианского» Филострата (Vit. Apoll. I. 25). Во внутреннем помещении окраска стен сохранилась на гораздо меньшую высоту. При этом необходимо указать, что коридоры, расположенные возле этих помещений, были покрыты только белым ганчем.

Важнейший элемент общей системы планировки представляют обводные коридоры, которые охватывают айван с трех сторон, а внутренний зал – с четырех. Особенностью плана центральной части здания является то, что айван не сообщается с парадным залом напрямую. Если выход из айвана в обводной коридор находился точно в середине задней его стены, то вход в парадный зал был сдвинут к юго-восточному углу. Таким образом, снаружи можно было видеть только то, что происходило в айване, парадный зал оставался недоступным для взоров людей, находящихся снаружи.

Сейчас трудно сказать, было ли подобное устройство результатом учета каких-то рациональных факторов (к примеру, стремления избежать сквозняков) или определяющими были соображения, например, ритуального характера.

К сожалению, малое количество находок не позволяет достаточно точно датировать памятник. Можно предложить только несколько расплывчатую дату: от II в. до н.э. до I в. н.э.

Вопрос о назначении данного комплекса остается до сего времени не совсем решенным. Первоначально предпочтительным казалось мнение о его храмовом назначении¹¹, сейчас же авторы более склоняются к идее о том, что Мансур-депе представлял собой резиденцию какого-то представителя парфянской верхушки, точнее, одного из высших функционеров царской администрации, связанного, возможно, с царским хозяйством Старой Нисы. Во всяком случае, в материалах нисийского архива упоминаются жрецы (с четким указанием «господин огня») и храмы (например, храм Нанайи, храм Фраата, безымянные храмы). С другой стороны, в тех же самых документах упоминается большое число чиновников разных рангов и разных функций. К низким рангам могут быть отнесены сборщик вина, «накладыватель печати», счетчик, писец. Конечно, вряд ли кто-нибудь из чиновников такого статуса мог иметь резиденцию типа Мансур-депе. Но в документах встречаются чиновники и много более высокого ранга, например, сатрап, комендант крепости, начальник тагмы, главный начальник конницы, глава писцов. Не исключено, что кто-то из этих упомянутых в нисийских документах чиновников обитал в Мансур-депе¹².

Для того чтобы принять более или менее обоснованное решение, необходимо провести сопоставление с имеющимися памятниками. В определенной степени эту работу уже проделал Г. Лекьюо в своем исследовании, посвященном монументальным домам греко-бактрийского и парфянского времени¹³, но в его работе Ман-

¹⁰ Подробнее см. Берлин, Лелеков, Рузавин 1969, 91, рис. 30; Кошеленко, Лелеков 1970, 155–162.

¹¹ Губаев, Кошеленко 1970, 89.

¹² Кошеленко, Гаиров 2003, 78.

¹³ Lecuyot 1993, 31–45.

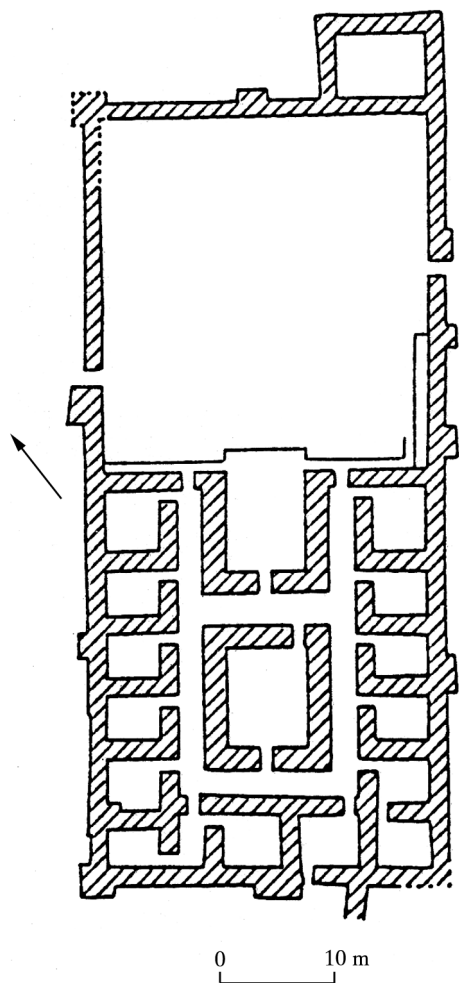

Рис. 3. Мансур-депе.
Фасад северо-западного здания.
Реконструкция

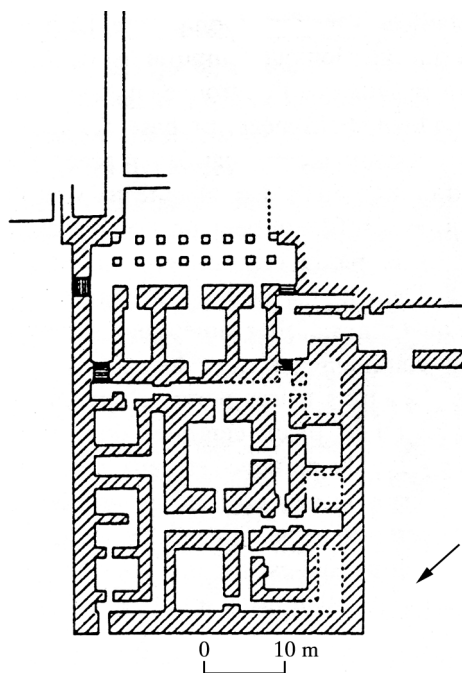

Рис. 4. Парфянское здание
в Абу-Кубур. План

сур-депе почти не учитывается, что не совсем справедливо, поскольку это самый ранний памятник того типа, который он исследует¹⁴.

Наиболее близким по устройству и размеру памятником является, с нашей точки зрения, так называемое «парфянское здание», расположенное в Абу Кубур, в 25 км на юго-запад от Багдада (рис. 3). Здесь комплекс, подобно Мансур-депе, имеет очень большой прямоугольный в плане двор и главный вход здания обращен на северо-восток. Его центральная часть состоит из большого открытого на северо-восток помещения (айвана), за которым находится другое большое, явно парадное, помещение. Остальные комнаты окружают с трех сторон этот центральный комплекс. Система обводных коридоров абсолютно аналогична такой же системе Мансур-депе, то же самое можно сказать и об аналогичном устройстве системы связи айвана

¹⁴ На степень достоверности выводов Г. Лекуюто оказало влияние и то обстоятельство, что размеры Мансур-депе в его статье сильно преуменьшены (Lecuyot 1993, fig. 12).

с центральным помещением. Здание погибло в пожаре примерно в 150 г. н.э. Характер находок убеждает в том, что это здание имело жилое назначение¹⁵.

Также очень близок по устройству к Мансур-депе известный памятник, расположенный в Хурре (Южный Иран). Этот памятник был впервые обнаружен Э. Герцфельдом¹⁶. Исследователь определил памятник как храм и дал его реконструкцию, как сейчас выяснилось, чрезвычайно далекую от реального плана, который был выявлен во время раскопок в 1955 г., проводившихся Департаментом археологии Ирана (рис. 4)¹⁷.

Здание ориентировано на юго-восток, ему предшествует двор (раскопанный только частично). Планировка, в принципе, очень похожа на планировку Мансур-депе и Абу Кубур. Ядром здания являются два помещения, одно из которых обращено во двор, второе (квадратное) расположено за ним. Они окружены системой обводных коридоров. Расположение проходов, ведущих из одного помещения в другое, – такое же, как у двух вышеназванных памятников. Отличия от них заключаются в том, что первое помещение не является в полном смысле

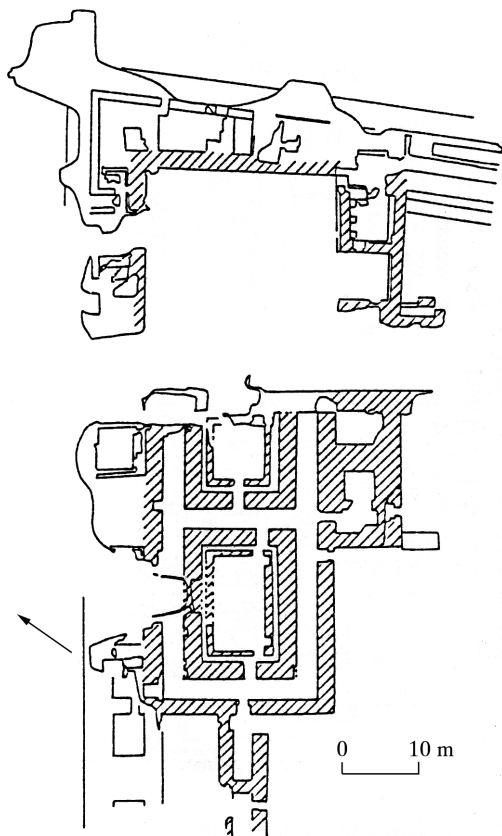

Рис. 5. Парфянское здание в Хурре. План

айваном, но закрытым помещением с очень широким дверным проемом, а кроме того, система обводных коридоров не столь проста, как у двух ранее упомянутых памятников. Вопрос о датировке комплекса не может считаться окончательно решенным. Иранские археологи полагали, что здание было возведено в селевкидское время и продолжало существовать в парфянское, но В. Кляйс¹⁸, который изучал керамику, полученную при раскопках данного памятника, относил его существование ко II в. н.э. Существуют две точки зрения относительно функционального назначения этого здания. Э. Герцфельд (которому следует А. Хакеми) предполагал его сакральный характер. Никаких аргументов, правда, ни тот, ни другой не приводили. Более обоснованным кажется результат анализа Г. Лекюйо, считающего его зданием типа монументальной резиденции¹⁹.

Наконец, еще одним памятником (правда, плохо исследованным) является здание парфянского времени в северном углу цитадели Ниппура (рис. 5). Перед

¹⁵ Gasche, Pons 1991, 11–33; Wright 1991; Lecuyot 1993, 38–39.

¹⁶ Herzfeld 1941, 283, fig. 382. Анализ двух ионических капителей тех колонн, которые еще находились *in situ*, в свое время привел исследователя к очень низкой оценке собственно парфянского искусства.

¹⁷ Hakemi 1990, 11–41; см. также Lecuyot 1993, 37–38.

¹⁸ Kleiss 1985, 179.

¹⁹ Lecuyot 1993, 37.

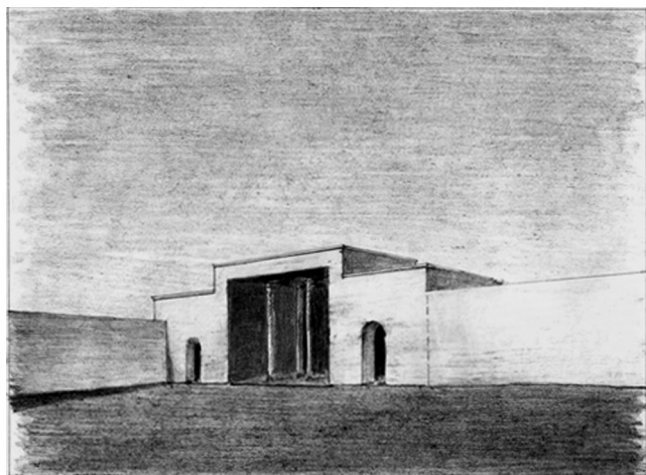

Рис. 6. Ниппур. Дом в цитадели. Реконструкция

собственно зданием располагается обширный двор, вход ориентирован на северо-восток. Переднее помещение – открытое, охваченное с трех сторон обводными коридорами, за ним находится большой прямоугольный зал, охваченный коридорами с четырех сторон. Система связи этих помещений традиционно устроена так, что оси входов не совпадают друг с другом²⁰. Наиболее вероятна дата существования этого здания – позднепарфянская эпоха.

Таким образом, мы имеем ряд памятников, представлявших собой большие жилища, видимо, принадлежавшие представителям высших слоев парфянского общества. Они находились в разных частях парфянского мира, но характеризуются однотипной планировкой. Общая схема нарушается только изредка и в не очень важных деталях. Древнейшим среди этих памятников является Мансур-депе, расположенный в той зоне, которую можно определить как территорию коренного обитания парфян. Можно, следовательно, предполагать, что именно отсюда этот достаточно четко определенный тип жилища аристократа распространился по всей Парфии.

Вместе с тем необходимо отметить, что подобное устройство больших жилищ не является характерным только для Парфии. На территории Бактрии археологи обнаружили здание первых веков нашей эры, довольно близкое по устройству парфянским. Мы имеем в виду, в частности, Саксонохур²¹. Хотя в его планировке есть ряд своеобразных черт, тем не менее, некоторые особенности его напоминают парфянские здания: открытый наружу айван, прямоугольное помещение за ним, смещенные оси проходов. Некоторым сходством обладают и системы коридоров. Отличия состоят в том, что айван не фланкирован двумя боковыми входами.

Это здание можно рассматривать как «связующее звено» между зданиями парфянского типа и большими греко-бактрийскими домами, известными нам по раскопкам Ай Ханум: «дом у Кокчи» и «загородный дом»²². Основное отличие их от домов парфянского типа состоит в том, что передний зал (айван) соединяется

²⁰ Knudstad, 1968, 95–106. См. также Lecuyot 1993, 42.

²¹ Литвинский, Мухитдинов 1969, 160–178.

²² О них см. Francfort 1977; Лекуюо 1987, 59–67. См. также Lecuyot 1993, 33–34, fig. 1; 33, fig. 3.

с внутренним залом проходами, находящимися на одной оси. Эта традиция была жива и в последующее, кушанское время. Именно таково было устройство больших домов в Дальверзине (Северная Бактрия)²³ и Дильберджине (Южная Бактрия)²⁴.

В завершение мы хотели бы обратить внимание на небольшое сооружение, находящееся в северо-западном углу всего комплекса Мансур-депе (рис. 1, 6). Это здание весьма своеобразного плана. Основу его составляет помещение, открытое на юг, снабженное четырьмя колоннами и охваченное с трех сторон коридорами. Сами колонны не сохранились, но остались *in situ* фундаменты для баз колонн. Они были сложены из крупных камней, с тщательно отесанной верхней поверхностью, на которую были поставлены в свое время базы колонн. Эти колонны создавали в помещении внутренний четырехугольник.

Р. Гиршман (см. ниже) определял, несколько условно, помещения такого устройства как «тетрастиль». Несмотря на небольшие размеры, оно построено очень тщательно: основные части конструкций выполнены из сырцового кирпича, но торцовые окончания стен тетрастиля выложены из камней на ганчевом растворе. Стены тетрастиля были покрыты слоем ганча и покрашены в красный цвет. Здание пережило два этапа своего существования, разделенных ремонтом. Однако никаких серьезных переделок не производилось. Характерной особенностью заполнения тетрастиля является наличие в обоих периодах на полах достаточно мощного слоя очень чистого и мелкого пепла и золы. В тех местах, где этот слой достигал стен, он сильно влиял на окраску стен: она как бы выцветала. Очень хорошо была видна разница в окраске стен: где зола не касалась ее, красный цвет был ярким и насыщенным, а ниже – там, где к стенам примыкал слой золы и пепла, красный цвет терял свою насыщенность и местами становился серым.

Можно полагать, что в определенные дни внутри тетрастиля устанавливался переносной контейнер (алтарь) со священным огнем. Зола и пепел, видимо, не разрешалось выбрасывать за пределы здания и они оставались внутри здания.

Необходимо указать, что аналогичное устройство имели несколько храмов огня, зафиксированных в иранском мире. Самая близкая параллель – храмы Пенджикента²⁵, несмотря на достаточно большой хронологический разрыв (рис. 7). Чуть меньше сходства демонстрирует небольшой храм парфянского времени, открытый Р. Гиршманом на священной террасе Бард-е Нешанде²⁶. Единственное различие

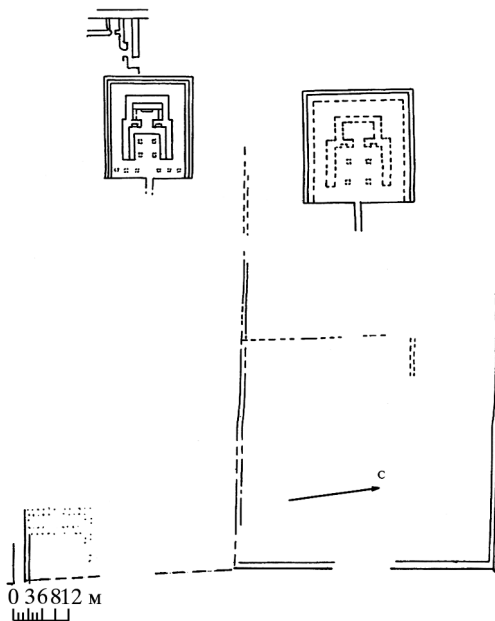

Рис. 7. Храмы Пенджикента. Планы

²³ Пугаченкова, Ртвеладзе 1990, 88–90.

²⁴ Кругликова, Пугаченкова 1977, 5 сл.

²⁵ Шкода 2009.

²⁶ Ghirshman 1976. V. II, pl. XII–XIV.

между ними состоит в том, что обводные коридоры в Бард-е Нешанде расчленены, а в Мансур-депе составляют единую систему.

Таким образом, мы можем предполагать, что Мансур-депе представляет собой резиденцию одного из высокопоставленных функционеров Аршакидов, связанного, по всей вероятности, с царским хозяйством в Старой Нисе. Этот тип резиденции сложился в раннепарфянское время. Греко-бактрийские жилые дома представителей верхушки общества очень близки раннепарфянским, что заставляет думать, что у них был общий источник – вероятно, аристократические жилища эпохи Селевкидов. Раннепарфянский тип аристократической резиденции широко распространился по Ирану и Месопотамии, но при этом, кажется, резиденция утерала свои сакральные элементы.

Литература

- Берлин И.Т., Лелеков Л.А., Рузавин Ю.А. 1969: Особенности стенописей в Мансур-депе // Каракумские древности. Вып. II. Ашхабад, 47–50.
- Губаев А., Кошеленко Г. 1970: Исследование парфянского святилища Мансур-депе и раннесредневекового замка Ак-депе // Каракумские древности. Вып. III. Ашхабад, 89–104.
- Кошеленко Г.А., Гаيبов В.А. 2003: Новые исследования Мансур-депе // Центральная Азия. Источники, история, культура. М., 78–80.
- Кошеленко Г.А., Лелеков Л.А. 1970: Монументальная живопись Мансур-депе // Сообщения Всесоюзной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных художественных ценностей. Вып. 26, 65–72.
- Кругликова И.Т., Пугаченкова Г.А. 1977: Дильберджин (раскопки 1970–1973 гг.) Ч. 2. М.
- Лекуйо Г. 1987: Ай Ханум. Жилищное строительство // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда. Античность, раннее средневековье. Материалы советско-французского colloquium. Самарканд, 1986. Ташкент, 59–67.
- Литвинский Б.А., Мухитдинов Х. 1969: Античное городище Саксонохур // СА. 2, 160–178.
- Пилипко В.Н., Кошеленко Г.А. 1985: Северная Парфия // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. Серия «Археология СССР» / Г.А. Кошеленко (ред.). М., 209–225.
- Пилипко В.Н. 1975: Парфянское сельское поселение Гарры-Кяриз. Ашхабад.
- Пилипко В.Н. 1990: Позднепарфянские памятники Ахала. Ашхабад.
- Пилипко В.Н. 2000: Старая Ниса. Проблемы интерпретации // ВДИ. 1, 99–112.
- Пилипко В.Н. 2001: Старая Ниса. Основные итоги археологического изучения в советский период. М.
- Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. 1990: Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент.
- Росляков А.А. 2009: Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада // Труды ЮТАКЭ. Т. V. Ашхабад, 71–103.
- Шкода В.Г. 2009: Пенджикентские храмы и проблемы религии Согда (V–VIII вв.). СПб.
- Francfort H.-P. 1977: Le plan des maisons gréco-bactriennes et le problème des structures de «type mégaron» en Asie Centrale et en Iran // Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines à la conquête islamique. P., 267–280.
- Gasche H., Pons N. 1991: Abu Qubur 1990. II. Chantier F. Le «Bâtiment parthe» // Mesopotamian History and Environment. Ser. I. Northern Akkad Project Reports. 7, 11–33.
- Ghirshman R. 1976: Terrasses sacrées de Bard-è Néchandeh et Masjid-e Soliman. L'Iran du Sud-Ouest du VIIIe s. av. n. ère au Ve s. de n. ère. V. II. P.
- Hakemi A. 1990: The Excavations of Khura // East and West. 40, 11–41.
- Herzfeld E. 1941: Iran in the Ancient East. L.
- Kleiss W. 1985: Der Säulenbau von Khurha // Archäologische Mitteilungen aus Iran. N.F. Bd 18, 170–179.
- Knudstad J. 1968: A Preliminary Report on the 1966–67 Excavations at Nippur // Sumer. 24, 95–106.
- Koshelenko G., Lapshin A., Novikov S. 1989: Mansur-depe Excavations // Bulletin of Asia Institute. N.S. 3, 45–52.
- Košelenko G.A., Lapšin A.G., Novikov S.V. 2000: The Mansur-depe Excavations of 1986–1987 // Parthica. Incontri di culture nel mondo antico. T. 2, 87–123.

Lecuyot G. 1993: Résidences hellénistiques en Bactriane, résidences parthes en Iran et Mésopotamie. Diffusion ou communauté d'origine? // Mesopotamian History and Environment. Ser. I. Northern Akkad Project Reports. 8, 31–45.

Nisa parthica... 2008: Nisa parthica. Ricerche nel complesso monumentale arsacide. 1990–2006 / A cura di A. Invernizzi, C. Lippolis. Firenze.

Wright G.R.H. 1991: Abu Qubur. «The Parthian Building» and its Affinities // Northern Akkad Project Reports. 7. Gent, 71–81.

MANSUR-DEPE IN PARTHIAENA: CHARACTER AND PURPOSE OF THE MONUMENT

G. A. Koshelenko, V. A. Gaibov

The authors discuss the function of the early Parthian construction Mansur-depe (North Parthiaena). Comparing the monument with the analogous materials in Iran and Mesopotamia, they come to the conclusion that Mansur-depe was a dwelling-place for the higher classes of the Parthian society. It is noteworthy that this type of dwelling-place is close to those of ancient Bactria.

© 2011 г.

В. А. Лившиц

ЛИЧНЫЕ ИМЕНА В ХОРЕЗМИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

*Памяти Бориса Литвинского –
солдата и академика*

В статье дан общий обзор хорезмийской антропонимии и ее источников (частично еще не опубликованных) на фоне истории хорезмийского языка и письменности, начиная с ахеменидского времени. Предложен ряд новых этимологий и уточнения уже предложенных вместе с богатыми параллелями из ономастики других иранских народов.

Ключевые слова: хорезмийский язык и письменность, антропонимия.

Хорезмийский язык – один из восточноиранских языков, на котором говорило население Хорезма¹ – страны, расположенной в нижнем течении Амударьи и у ее устья. Близкородственные ему языки не засвидетельствованы, прямые его потомки отсутствуют. По некоторым историко-фонетическим характеристикам, морфологическим признакам и лексике хорезмийский язык сходен с согдийским языком.

Владимир Аронович Лившиц – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург).

¹ Авест. *Xvāirizām* (AWb. 1878), др.-перс. (H)uvārazmī-, элам. *ma-ra-iš-miš*, акк. *hu-ma-ri-iz-ma-*, греч. *Χοράσμις* (Kent 1953, 177); ср.-перс. *hwłzmn*, парф. *hwrzmn* |*xwarazmān*| «хорезмийцы» (Gignoux 1972, 24). М.Н. Боголюбов (1962b, 370) предложил этимологизировать этот топоним как «Страна, где хорошие укрепления для скота» || «Страна, где поселения с хорошими стенами» || «Страна с хорошими “варами”». Ср. Бартольд 1908.